

А. М. Бабков
Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕБЕЖСКОГО ПОГРАНОБМЕННОГО ПУНКТА В 1921 ГОДУ

В статье характеризуется деятельность Себежского погранобменного пункта в 1921 г. по реэвакуации беженцев и пленных Первой мировой войны из РСФСР и Украины в Литву и Латвию. Показана роль советских эвакуационных органов в организации возвращения беженцев на родину и ее недостатки. Предпринята попытка установить численность реэвакуированных беженцев и пленных, достигшей пика в 1921 г.

После окончания польско-советской войны 1919–1920 гг. и урегулирования взаимоотношений РСФСР с правительствами Польши, а также Прибалтийских республик возобновилась реэвакуация беженцев и военнопленных Первой мировой и Гражданской войн, других контингентов населения за границу. Огромная их масса возвращалась на родину через Беларусь. Основная нагрузка по отправке беженцев и военнопленных легла на приграничные эвакуационные пункты, которые находились под управлением Главноуполномоченного по Западной области (Главэвакзапа) во главе с Л. И. Розенгаузом. В начале 1921 г. в Западной полосе находилось более 32 тыс. беженцев, подлежащих отправке в Литву, Латвию, Польшу и Западную Беларусь [1, л. 3].

На северо-западном направлении Советской страны беженцы возвращались в Прибалтийские государства и Польшу через Псковскую, Смоленскую и Витебскую губернии (последняя с февраля 1919 г. входила в состав РСФСР). Ближайшим пограничным пропускным пунктом с Латвией здесь оставался Себеж, который не прекращал своей деятельности даже в период польско-советской войны.

В преддверии предстоящего массового возвращения беженцев на родину 10 февраля 1921 г. управление Главэвакзапа под председательством Л. И. Розенгауза провело совещание заведующих эвакуационными отделами эвакопунктов области, на котором особое внимание было уделено подготовке к приему и обслуживанию беженцев, направлявшихся по линии Москва – Ржев – Вязьма – Великие Луки, и далее – на Себежский пограничный пункт. Главэвакзеп дал указание Витебскому губэваку оказать содействие Себежскому уездэваку в расширении и обустройстве помещений для временного размещения проходящих через пункт контингентов населения. К этому времени часть беженских барачков обветшала, и они стали непригодными для проживания людей [2, л. 4 об]. Выполняя поручение Главэвакзапа, Витебский губэваку выделил Себежу вагон досок с завода на станции Невель и другие строительные материалы, а также два крытых вагона, которые были переоборудованы под общежитие для сотрудников Себежского пункта [3, л. 87 об].

Весной 1921 г. перед Главэвакзапом встала еще одна непростая задача по устройству карантина на границе с Латвией для приема возвращавшихся в советскую Россию военнопленных. Наиболее удобным местом для карантинного пункта рассматривались Великие Луки, куда стали направляться дополнительные материальные и людские ресурсы для устройства карантина. Поэтому начавшиеся в феврале работы по расширению и оборудованию учреждений Себежского эвака стали сворачиваться. Начальник управления эвака Э.А. Звирбула считал вполне возможным при содействии Центрэвака устройство карантина и в Себеже. Но в первую очередь он добивался от Главэвакзапа выделения материальных ресурсов для завершения строительных работ в Себеже. С его слов, было «много чего уже истрачено на ремонт, и нужно сделать все то, что необходимо для эвака, независимо от строительства барачков для карантина» [4, л. 114 об].

После распоряжения в марте 1921 г. Центрэвака РСФСР о возобновлении плановой реэвакуации беженцев в Латвию и Литву наметилось их массовое прибытие из центральных европейских губерний РСФСР и Украины к западной границе. Наиболее массовые потоки беженцев и пленных направлялись через Себеж транзитом. Согласно ежемесячным докладам начальника Себежского уездэвака Э.А. Звирбулы в управление Главэвакзапа наблюдалась следующая динамика движения беженцев транзитом через Себеж за границу. Так, в январе через Себежэвак проследовало 6871 мигрантов разных категорий, из которых 5024 беженца направлялись в Латвию и 1777 – в Литву. Во второй половине февраля общая численность транзитных беженцев составила 3581 человек, из них в Латвию направлялось 1017 и Литву – 1616. Весной их количество возросло. В марте через Себежский уездэваку было пропущено за границу 8328 мигрантов разных категорий, среди которых преобладали беженцы. 3591 беженцев отправились в Латвию и 2953 – в Литву. В апреле из 9636 транзитных мигрантов 4590 беженцев следовали в Латвию и 1793 – в Литву [5, л. 59, 87, 114, 153].

Своего пика транзитное движение беженцев и других категорий населения через Себеж за границу достигло в конце весны – летом 1921 г. В мае их численность составила 17246 человек, в июне – 17105, июле – 15127, августе – 12221. Из них в Латвию выехало в мае 3512 беженцев, июне – 4951, июле – 4964, августе – 3502. Соответственно в Литву направилось в мае 4766 беженцев, июне – 7985, июле – 6665, августе – 6992 [6, л. 269, 274, 314]. Как показывают приведенные управлением Себежэвака данные, летом численность возвратившихся на родину литовских беженцев превысила количество беженцев–латышей.

Осенью движение контингентов населения через Себежэвак незначительно уменьшилось и в сентябре составило 9421 человек, а в октябре – 11330.

По-прежнему большинство мигрантов составляли беженцы. В сентябре в Латвию возвратилось 2275 беженцев, в Литву – 6231 [7, л. 257]. В октябре через Себеж прошло соответственно 4836 беженцев–латышей и 4453 беженцев–литовцев [8, л. 497]. Как следует из докладов о деятельности Себежского эвака, в марте–октябре 1921 г. через Себеж в Латвию возвратилось 32221 беженцев, в Литву – 41838 [9].

Следует отметить, что было немало случаев, когда беженцев отказывалось принимать свое государство. Литовское правительство, которое должно было защищать интересы литовских беженцев в России, наоборот, все время создавало препятствие в возвращении беженцев домой.

В начале марта 1921 г. литовский представитель на ст. Розеновская официально уведомил начальника Себежского эвака Э. А. Звирбулу о приостановлении приема литовских беженцев, хотя списки их были завизированы литовской стороной. Он ссылаясь на распоряжение своего правительства о временном закрытии карантинного пункта в Абельях для его переоборудования. На ст. Себеж тогда находились прибывшие из Минска, Смоленска и Нижнего Новгорода три эшелона с литовскими беженцами общей численностью 773 человека. Чтобы не допустить дальнейшего скопления беженцев в Себеже, по распоряжению начальника Себежского уездэвака в Новосокольниках и Великих Луках были задержаны шесть эшелонов с литовскими беженцами, следовавшие из Пензы, Тулы, Самары, Орла и Москвы. Только после длительных переговоров начальника Себежского эвака Э. А. Звирбулы в Розеновской с литовскими представителями удалось добиться их согласия принять «находившихся на колесах» и задержанных в Себеже беженцев, а позже и других беженцев, прибывших в Новосокольники и Великие Луки, что позволило разгрузить участок Себеж–Великие Луки от массового скопления людей. Однако дальнейший прием беженцев приостановился на литовской границе [10, л. 97].

Отказ литовской стороны принять своих беженцев на границе систематически наблюдался осенью 1921 г., о чем неоднократно докладывал начальник Себежского эвака в управление Главэвакзапа. Так, с 25 августа по 9 сентября 1921 г. на пограничном пункте Розеновская был задержан 331 беженец, следовавший из Саратова, Екатеринославля и Москвы в Литву. Самое большое количество беженцев было возвращено из Екатеринославского эшелона – 249 человек. Вторично литовская сторона приняла только 190 человек, а 141 беженец вновь был возвращен в Витебск. Такое ненормальное положение с реэвакуацией беженцев в Литву осложнило не только работу управления Себежского эвака, но и работу железнодорожного транспорта, т. к. «одни и те же люди перевозились несколько раз из Себежа на границу и обратно, и ввиду отсутствия барачных и каких-либо других помещений для беженцев они продолжают оставаться в вагонах, которые загромождают ст. Себеж, не говоря уже о том, что в последних ощущается острая нужда» [11, л. 257].

7 сентября заместитель начальника Себежского эвака вместе с уполномоченным Главэвакзапа Абрамсоном обратились к литовскому представителю Балтрушайтису, направлявшемуся через Себеж в Москву, с требованием «разъяснить причину непринятия 249 человек Екатеринославского эшелона и 65 человек других эшелонов, указав ему что как документы, так и списки беженцев визированы литовским представительством», на основании которых беженцы «снялись с мест для отправления на родину». Балтрушайтис согласился с указанными аргументами, однако свое обещание «распорядиться принять этих беженцев не выполнил» [12, л. 257 об].

Ситуация с отказом принять литовских беженцев на ст. Розеновская повторилась в октябре, когда литовский представитель не принял 273 беженцев. 198 из них были возвращены в Великие Луки, где они находились до прибытия советско-литовской комиссии, которой предстояло установить причину отказа литовской стороны во въезде беженцев на родину, хотя они имели завизированные документы. Выяснилось, что большая часть беженцев в количестве 133 человек не были приняты литовской стороной «ввиду оккупации их местности поляками». Поэтому их возвратили в Оршу «для дальнейшего направления на польскую границу». После протеста советской стороны 22 беженца вторично были приняты литовской пограничной службой. 10 человек отказались от прав беженства и возвратились в РСФСР [13, л. 497].

В то же время из-за границы через Себежский пункт возвращались домой беженцы и пленные Советской страны. После подписания 6 мая 1921 г. РСФСР и Германией дополнительного соглашения к советско-германскому договору от 19 апреля 1920 г. о возвращении на родину военнопленных мировой войны и гражданских интернированных лиц, обязывавшего правительства обоих государств в кратчайшее время завершить возвращение на родину оставшихся на их территории пленных и интернированных, усилился их приток из Германии в Себеж.

Контингенты, прибывавшие из-за границы на станцию Себеж, отправлялись на распределительные пункты. Военнопленные и беженцы Первой мировой войны направлялись в Москву, эмигранты следовали в Петроград, а интернированных военнопленных красноармейцев доставляли в Витебск, откуда их потом перевозили на места постоянного проживания [14, л. 257]. С октября беженцев и пленных Первой мировой войны стали размещать в ВеликоЛукском карантине [15, л. 497].

Так, в апреле из-за границы в Себеж прибыло 9019 военнопленных Первой мировой войны и 1234 интернированных красноармейцев, а также 1685 эмигрантов из Америки [16, л. 153]. В мае – 1764 военнопленных мировой войны, 12232 интернированных красноармейцев и 1141 эмигрантов, в июне – 1396 военнопленных мировой войны, 4071 интернированных красноармейцев и 201 эмигрант, в июле – 1053 военнопленных мировой войны, численность других возвращавшихся контингентов существенно уменьшились [17, л. 274]. В августе возвращение военнопленных, интернированных красноармейцев пошло на спад и осенью почти прекратилось. По сведениям Главэвакзапа, в 1921 г. из-за границы через Себеж возвратилось на родину 14415 военнопленных Первой мировой войны, 18744 интернированных красноармейцев, 6059 мигрантов. Общая численность прибывших из-за границы в Советскую страну всех категорий мигрантов составила 44510 человек [18, л. 9].

Себежский эвак занимался обеспечением продовольствием зарегистрированных при нем беженцев и других контингентов. При отделе продовольствия и снабжения во главе с Кривошеевым функционировал питпункт с кухней, рассчитанной на одноразовый прием пищи для 1050 человек.

При эвакуации функционировала хлебопекарня, которая работала в две-три смены. Она получала муку с Пустошинской мельницы, которая перерабатывала пшеницу и просо на муку и крупы. Так, в апреле было выпечено 868 пудов хлеба, в августе – 110, в сентябре – 137 [19, л. 87 об, 153 об].

Проходящим через Себеж беженцам продовольствие выдавалось питпоездом, прикомандированным по распоряжению Главэвакзапа. В Себежском эваке сложился определенный порядок продовольственного обслуживания проходящих контингентов населения. Согласно ему, «следовавшие за границу эшелоны с беженцами обеспечивались на питпункте горячей пищей, а прибывающие из-за границы эшелоны с военнопленными и другими контингентами получали горячую пищу на передвижном питпоезде» [20, л. 87].

Иллюстрацией работы питпункта является ведомость отдела продовольствия и снабжения выдачи продовольствия за апрель 1921 г. [21, л. 153 об].

Таблица

Категории мигрантов	Численность мигрантов	Количество выданных сухих пайков	Количество выданных горячих порций
военнопленные	14618 человек	18617 сухих пайков	10911 горячих порций питания
беженцы	7806	2917	5772
интернированные красноармейцы	3204	3917	1180
эмигранты	5333	4683	2124

Эвакуационные власти Себежа вынуждены были признать низкое качество выдаваемых беженцам обедов. В частности, начальник Себежского эвака в своем докладе в сентябре отмечал, что «из-за отсутствия круп на складе приходится варить пшеницу. Не уменьшая норму пшеницы, в последнее время добавляется в суп для каждого едока от 3 до 6 золотников сушеных бураков. Суп из пшеницы качественно намного хуже и необходимо перемолоть ее на крупу. Однако это невозможно было сделать из-за отсутствия топлива на мельницах Себежа» [22, л. 257 об]. При катастрофической ситуации с мясом от голодной смерти беженцев спасала рыба (сельдь, вобла), которая с перерывами выделялась питпункту.

В августе – сентябре командированный в Оршу заведующий продотделом за получением продуктов получил отказы от управления Главэвакзапа, которое рекомендовало ему обратиться за продуктами в уездный продком. Поэтому проводилась строжайшая экономия продовольствия.

Для временного размещения беженцев, возвращавшихся из советской России, на северо-востоке Литвы в местечке Обеляй, расположенном при железной дороге, проходящей через Двинск (Динабург), был открыт крупный карантинный пункт.

По подсчетам литовского историка П. Баронаса, к августу 1921 г. через Обеляйский карантин прошли 32 тыс. 139 беженцев Первой мировой войны, из них – 13037 литовцев, 12081 евреев, 5127 русских, 908 поляков, 435 белорусов, 135 латышей. Только в августе 1921 г. в карантин Обеляй прибыло 7 тыс. 629 беженцев, в т. ч. 3468 литовцев, 2398 евреев, 963 русских, 271 белорус, 193 поляка. Всего в 1921 г. через Обеляй прошло 60 тыс. беженцев. Для литовской стороны нежелательными считались беженцы, которые до Первой мировой войны служили в органах царской администрации, православные священники, управляющие поместьями. В профессиональном отношении среди прибывших в мае – августе 1921 г. беженцев в Обеляйский карантин подавляющее большинство составляли рабочие, численность которых составляла 3 тыс. 230 человек, а также земледельцы – 928 человек и купцы – 729 человек [23, s. 47].

Таким образом, Себежский погранобменный пункт явился крупнейшим пунктом на северо-западном направлении по реэвакуации беженцев и пленных Первой мировой войны, а также других контингентов населения из РСФСР и Украины в Прибалтийские республики. В 1921 г. наблюдался самый массовый поток беженцев в Литву и Латвию. Советское государство вынуждено было взять на себя организацию и расходы, связанные с реэвакуацией беженцев на родину, одновременно осуществляя контроль над ними. Однако в условиях продовольственного, транспортного, топливного кризиса, неурегулированности вопроса по реэвакуации на межгосударственном уровне, беженцы столкнулись с голодом и эпидемиями на долгой и для многих из них трагичной дороге возвращения домой.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 898.
2. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 427.
3. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
4. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
5. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
6. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 637.
7. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
8. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 637.
9. Подсчитано автором по: НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445; Д. 637.
10. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
11. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
12. НАРБ. – Фонд 39. – Оп. 1. – Д. 445.
13. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 637.

14. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
15. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 637.
16. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
17. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 637.
18. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 643.
19. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
20. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
21. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
22. НАРБ. – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 445.
23. Baronas, P. Obelių karantinas 1921 metais / P. Baronas // Istorija. – 2003. – Vilniaus pedagoginis universitetas. – T. LVII. – S. 45–50.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ